

# ЭНТЕЛЕХИЯ

Научно-публицистический журнал

Главный редактор **И.А. ЕДОШИНА**

Общественный совет номера:

**В.А. Шершунов** (губернатор Костромской области), **В.И. Виноградов** (зам. губернатора Костромской области), **Н.М. Рассадин** (ректор Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова), **А.Г. Кирпичник** (проректор по науке Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова), **игумен Андроник** (А.С. Трубачев, кандидат богословия, доцент Московской духовной академии), **С.М. Половинкин** (кандидат философских наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета), **П.В. Палиевский** (доктор филологических наук, профессор Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН), **А.Л. Налепин** (доктор филологических наук, профессор, вице-президент Российского фонда культуры), **А.Н. Николюкин** (доктор филологических наук, профессор Института общественных наук РАН), **В.А. Фатеев** (кандидат филологических наук, переводчик; Санкт-Петербург)

**УЧРЕДИТЕЛЬ:**

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

**СОУЧРЕДИТЕЛИ:**

Администрация Костромской области,  
Российский фонд культуры (Москва),  
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва),  
Редакция альманаха «Российский архив» (Москва)



2007461307

впрочем, «умиление и улыбку»<sup>21</sup>. Мы постарались показать, опираясь на творческое наследие о. Павла Флоренского, что на иконе «Взыскание погибших» на самом-то деле – *всё всерьез*. Тремя страницами ниже И.С. Аксаков приводит цитату из французского письма Ф.И. Тютчева к жене, в котором описывается отъезд поэта из Москвы и впечатления от прощального («на дорожку») в Мюнхен) посещения часовни с иконой Иверской Божией Матери. Тютчев, по собственной оценке, «снабженный чутьем на подобные явления», размышляет о «мире византийско-русском», в котором «к ощущению прошлого, – и такого уже старого прошлого, – присоединяется невольно, как бы предопределением судьбы, предчувствие неизмеримого будущего» и в котором – именно всерьез, – «жизнь и верослужение составляют одно»<sup>22</sup>.

#### Примечания

<sup>1</sup> Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 19.

<sup>2</sup> Флоренский П. свящ., Сочинения: в 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 716 (комментарий игумена Андроника).

<sup>3</sup> Отметим, что И.С. Аксаков ошибочно упоминал «икону Феодоровской Божией Матери» (Биография... С. 18). В дальнейшем исследователи исправили этот промах. Справедливости ради надо сказать, что по своему графическому построению иконографические типы Феодоровской Богоматери и Богоматери «Взыскание погибших» весьма сходны.

<sup>4</sup> Здесь и далее при цитировании надписей сохраняются (разумеется, при новой орфографии) грамматические осо-

бенности оригинала. Во всех известных нам публикациях памятника этот принцип не был последовательно проведен.

<sup>5</sup> 27 июля 2006 года в музее-усадьбе «Мураново» от удара молнии случился пожар, что повлекло полную эвакуацию экспонатов и, увы, повреждение и гибель некоторых из них.

<sup>6</sup> Лигарев К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962. С. 54.

<sup>7</sup> Часть надписи повреждена и потому реконструируется нами. В мае и июне 1825 года Ф.И. Тютчев находился в Варшаве, где в это время служил его брат Николай Иванович.

<sup>8</sup> Аксаков И.С. Биография... С. 19–20.

<sup>9</sup> Динесман Т.Г. О некоторых фактах биографии Тютчева // Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Кн. 1., 1803–1844. М., 1999. С. 298.

<sup>10</sup> Кожин В. Пророк в своем отечестве Федор Тютчев. М., 2002. С. 118.

<sup>11</sup> Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. С. 70.

<sup>12</sup> Приводя эти последние записи, мы в итоге впервые публикуем *все надписи*, содержащиеся на иконе. В известных нам работах, так или иначе упоминавших мурановскую школу «Взыскание погибших», исследователи всякий раз ограничивались частичным их воспроизведением.

<sup>13</sup> Флоренский П. свящ. Эмпирия и Эмпирия. Беседа // Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 175.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Там же. С. 177.

<sup>16</sup> Там же. С. 177–178.

<sup>17</sup> Флоренский П. свящ. Философия культа. М., 2004. С. 287, 371.

<sup>18</sup> Там же. С. 301.

<sup>19</sup> Там же. С. 200.

<sup>20</sup> Флоренский П. свящ. Соч.: в 4 т. Т. 3 (2). М., 1999. С. 390.

<sup>21</sup> Аксаков И.С. Биография... С. 18.

<sup>22</sup> Там же. С. 21.

Е.Л. Тихомирова

### О КОСТРОМСКИХ ДЕРЕВЯННЫХ СКУЛЬПТУРАХ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО (ПО МАТЕРИАЛУ ИЗ ВНОВЬ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Пожалуй, наиболее распространенным в русской церковной деревянной скульптуре можно назвать образ св. Николая архиепископа Мирликийского (Никола Угодник, Николай Чудотворец, Никола Можайский, Никола Зарайский, святой Микола). Несмотря на целый ряд церковных запретов на изготовление подобных фигур, пластические образы св. Николы встречаются в храмовом пространстве вплоть до нашего времени.

Святой Николай (ок. 260–355 гг.) родился в г. Патара (современный г. Келемиш в Турции), около 300 г. стал архиепископом г. Миры в про-

винции Ликия (отсюда наименование святителя Мир Ликийских = Мирликийский). В 325 г. был участником Первого Вселенского собора в Никее, где активно обличал еретика Ария. В XI в. мощи святителя были перенесены из Мир Ликийских (современный г. Демре в Турции) в итальянский город Бари. Житие святителя – предмет специального изучения историков. Исследования последних лет убедительно доказали, что в раннем средневековье происходит смешение житий святителей Николая Мирликийского и Николая Пинарского. На Русь почитание св. Ни-



колая Чудотворца приходит практически сразу после крещения государства и по сей день является повсеместным. В Западной Европе святитель Николай также один из наиболее известных и чтимых в сонме святых мужей.

Святитель Николай Мирликийский Чудотворец был и остается наиболее почитаемым святым и на костромской земле, что соответствует общероссийской традиции повсеместного почитания Угодника Божия. Статистика данных Справочной книги Костромской епархии за 1911 год<sup>1</sup> показывает, что из 918 приходских церквей 132 – Никольские, то есть примерно в каждой 6-й церкви центральный престол имел освящение в честь святителя Николая Чудотворца. Практически каждая церковь имела престол в честь этого святого.

Нами были выявлены данные о чтимых памятниках с изображением св. Николая: 38 церквей Костромского, Галичского, Кинешемского, Нерехтского, Буйского, Макарьевского, Чухломского, Кологривского, Ветлужского, Варнавинского округов дают сведения о находящихся в них чтимых чудотворных иконах святого. Заметим, что церковь необязательно была Никольской, а например, Троицкой, Покровской или Преображенской, в ней даже могло не быть престола, освященного в честь св. Николая, однако мог иметься его чудотворный образ. По количеству чтимых чудотворных образов святителя в Костромской епархии уступают чтимым Казанским иконам Богоматери, их упоминается около 50. Для сравнения скажем, что сведения о чтимых иконах св. целителя Пантелеймона в Костромскую духовную консисторию предоставили 3 приходские церкви, св. пророка Иоанна Предтечи – 5, св. вмч. Параскевы – 4.

Из уездов губернии, по данным справочника, наибольшее количество чтимых икон святителя Николая приходится на Костромской, Нерехтский и Кинешемский. Выявить причины сосредоточия икон именно в этих уездах – довольно сложная задача. К тому же с достаточной долей критики надо полагаться на сам источник – Справочную книгу. При всей важности и подробности сведений, приводимых в ней, вряд ли там зафиксированы абсолютно все данные о святых церквей Костромской епархии. Однако определенные выводы можно сделать, составив своеобразную «географическую карту» Никольских храмов и церквей с чтимыми образами свя-

тителя на территории Костромского и Нерехтского уездов. Так, большинство этих храмов располагаются вдоль рек (Спасская церковь г. Костромы, Никольская церковь с. Сельца за р. Вержей, Всехсвятская церковь с. Красное на Волге, Никольская церковь пог. Малышево, Никольская церковь с. Сидоровское и т. д.). Напомним, что святитель Николай в христианской традиции почитается как помощник плавающих и путешествующих. Так, в 6-м кондаке Акафиста святителю Николаю поется: «Проповедует мир весь тебе, преблаженне Николае, скорого в бедах заступника: яко многажды во едином часе, по земли путешествующим и по морю плавающим, предваряя, пособствуеша, купно всех от злых сохраняя, вопиющих к Богу: Алилуиа». В 7-м икосе того же акафиста эта мысль продолжена в словах: «Радуйся, буруемаемых тихое пристанище; радуйся, утопающих известное хранилище. Радуйся, плавающих посреде пучин добрый кормчий; радуйся, тревожения морская уставляющий...»<sup>2</sup>. Таким образом, «буквальное» заступничество плавающих и путешествующих объединяется в словах акафиста с помощью тонущим в житейском море – море страстей. Святитель выступает и как кормчий морского судна, и как кормчий корабля – Церкви. Вспомним, что один из главных символов христианского искусства – корабль, олицетворяющий Церковь, во главе с Христом. В акафисте Иисусу Сладчайшему читаем: «...Иисусе, плавающих кормчий. Иисусе, бурных отиши...»<sup>3</sup>. Своей архитектурой храм зачастую напоминал корабль.

Таким образом, тема укрощения бури и спасения тонущих в житии святителя, согласно богословской трактовке, отождествляется со спасением грешников в пучине мирских страстей, уподобляя архипастыря самому Христу. Другой вопрос, насколько мыслили такими параллелями простолудины. Читая житие в церкви и дома, простого человека впечатляли чудеса угодника Божия; зная о них, человек молил св. Николу и в своих схожих житейских ситуациях.

Итак, в житии святителя большое место занимают чудеса спасения на водах. При своей земной жизни св. Николай спас корабельщиков по пути в Египет, оживил матроса, по его молитвам корабль приплыл в Ликию. По преставлении св. Николай неоднократно являлся тонущим: спас танайтан при путешествии в Миры, отрока Димитроса, утонувшего младенца, трех новго-



родцев и т. д.<sup>4</sup> В связи с этим в Костроме, стоящей на Волге, и в Костромской губернии, богатой большими реками (Костромой, Унжей с многочисленными притоками), знаменитыми Галичским и Чухломским озерами и сотнями других мелких рек и водоемов, почитание Мирликийского епископа приобретало особый смысл. Аквагория была не только источником воды и рыбы, но и естественным оборонительным препятствием; реки, в особенности Волга, были важнейшими торговыми путями, соединяющими Кострому с отдаленными государствами.

В редких случаях сведения о чтимом образе сопровождаются легендой его появления в церкви, что также является весьма важным для нас материалом. Так, в Николаевской церкви на Острове (1825 г.) 1-го Чухломского благочиннического округа находилась икона св. Николая с резным изображением святителя, именуемая «Лебедь». По местному преданию «Лебедка» ушла из деревни Лебединское около г. Солигалича и явилась на пустоши «...в 9 верстах от села... сохраняются колодезь и крест на этом месте»<sup>5</sup>.

Указанный памятник не сохранился, однако нам удалось разыскать дореволюционную фотографию этой скульптуры. Снимок находится в московском частном собрании. На обороте есть



Фото 1. Скульптура «Святитель Николай Мирликийский (Можайский)» из церкви Николая на Острове Чухломского уезда (из фотоальбома С.А. Орлова)

подпись: «Чухломской у. Костр. губ. Образ явленный Николая Чудотворца. Находится в храме Николая Чудотворца что на Острове. Коллекция фотографа Орлова»<sup>6</sup>.

На фотографии представлена фигура святителя, помещенная в прямоугольный киот, внутри которого, у подножия Николая, куча стружки и сена (?), декорирующие позем. Святитель изображен фронтально, в его правой руке — саблевидный меч, а в левой — закрытое Евангелие (вместе с рукой из цельного куска древесины). Лик святого — круглый, борода — окладистая. Сапожки святого — приставные. Фигура украшена шитым омофором с тремя крестами и витым шнуром по кромке. В данной скульптуре фиксируем тип Николая Можайского — Зарайского (замещение града в левой руке святителя Евангелием).

В 1860-е гг. при архиепископе Костромском и Галичском Платоне (Фивейском) активно начали собираться сведения о предметах, имеющих особую церковно-археологическую ценность, а в начале XX в., при епископе Виссарионе (Нечаеве), отчеты благочинных об особо значимых памятниках старины в подведомственных им округах было предписано сдавать в Костромскую духовную консисторию в обязательном порядке. Благодаря этим документам удастся выявить сведения о некоторых резных скульптурах.

Так, священник Предтеченской церкви с. Парского<sup>7</sup> Николай Веселовский указывает в рапорте за 1904 г.: «...есть между прочим и древние резные иконы например Спасителя, сидящего в темнице, глава Иоанна Крестителя<sup>8</sup> и св. Николай Можайского (курсив мой. — Е.Т.), таковые хранятся в часовне»<sup>9</sup>.

Благочинный 4-го Нерехтского округа иерей Александр Виноградов писал: «...резное изображение Спасителя в темнице, имеющееся в селе Рождествине и Григорцеве<sup>10</sup>. Резное изображение св. Николая в киотах и ризах (курсив мой. — Е.Т.): два изображения в селе Митине<sup>11</sup>, одно в селе Рождествине<sup>12</sup>, одно в селе Бардакове<sup>13</sup> (без рук) и одно в селе Григорцеве...»<sup>14</sup>

Наряду с изготовлением киотов, в православной традиции укоренилось обильное украшение чтимых икон<sup>15</sup> металлическими окладами, шитыми ризами, пеленами, покровами, привесками, рясами, позднее — бумажными цветами, фольгой, цветной бумагой и т.д. Все это являлось неотъемлемой частью сакрального образа. Крупнейший исследователь культовой пла-



стики И.А. Стерлигова пишет: «...немногие дошедшие до нас древние части драгоценного убора храмовой или домово́й иконы... воспринимаются независимо от живописи как произведения так называемого прикладного искусства. Их обычно считают лишь историческими наслоениями, не связанными с авторским замыслом произведения живописного. Мы убеждены, что отношение к иконам только как к произведениям религиозной живописи, безусловно имеющее право на существование, все же не дает подлинного представления об их духовном и художественном значении в истории средневековой культуры. Приблизиться к такому представлению можно, лишь изучая иконы в контексте *ars sacra*, как целостные произведения литургического искусства... Во все эпохи драгоценные украшения могли быть неотъемлемой частью *самого замысла священного образа*»<sup>16</sup>.

В уже упомянутом альбоме С.А. Орлова имеется фотография деревянной скульптуры св. Николая Можайского из Николаевской церкви на Наволоке Солигаличского уезда (в настоящее время скульптура находится в фондах Костромского музея-заповедника, КП 2047). Святой облачен в чеканную металлическую фелюну с ра-



Фото 2. Скульптура «Святитель Николай Мирликийский (Можайский)» из Николаевской церкви г. Солигалича в металлической и шитой ризе (из фотоальбома С.А. Орлова)

стителем орнаментом, на его голове — шитая митра (на скульптуре она отсутствует), над головой — металлический венец с острым лучеобразным «сиянием», на груди Николы шитый омофор и подвески: крестик, нагрудная прямоугольная иконка (возможно, преп. Макария Унженского) и овальная панагия с образом Пантократора.

Традиция подношения иконе различных привесок и образков уходит своими корнями в далекое прошлое и была известна еще в Византии<sup>17</sup>. На Руси первые упоминания о подобных прикладах встречаются в Ипатьевской летописи (1289), где сообщается о том, что князь Владимир Василькович Волынский «икону же списа на золоте наместную святаго Георгия и *гривну златую возложи на нь с жемчюгом*... И святую Богородицу списа на золоте и возложи на ню *монисто*»<sup>18</sup>. Впоследствии этот обычай прикладывать к иконам монеты широко распространился по всей стране. То же касается таких украшений как цаты, венцы, лунницы, votивные подвески в виде рук, ног (в память об исцеленных частях тела) и пр. Встречались и вовсе уникальные подвесные вещи, например серебряная пуля или специально заказываемые дощечки с описанием чуда, произошедшего от образа<sup>19</sup>.

Эта устойчивая русская традиция «выжила» несмотря на запрет Св. Синода от 1722 г.<sup>20</sup> Вместе с исключением из храмового пространства неисконных резных образов было установлено запрещение и на «приклады» к иконам. Указ «Об отобрании в церковную казну привесок и об употреблении оных на церковные потребности» предписывал: «От ныне впредь во всех Российского Государства церквах привесок к образам, то есть золотых и серебряных монет и копеек и всякой казны и прочаго приносимаго не привешивать... А прежние отобрать»<sup>21</sup>. Однако этот указ спешили выполнять далеко не везде, а в XIX в. и вовсе игнорировали за давностью лет.

Подвесные иконки, панагии и крестики могли подноситься отдельными прихожанами или церковной общиной в целом. Исследователь традиции русского иконопочитания К.В. Цеханская пишет: «Украшали иконы и просто в память о прошедших жизненных событиях. Во многих церквах Ярославской губернии любимые иконы украшали лентами и крестиками. Если умирала юная девушка, родители вешали ее праздничную ленту на икону... В наше время, когда возрожда-



ются православные традиции, во многих церквях у почитаемых икон можно видеть украшения, принесенные благодарными верующими. Это, в основном, нателные крестики, бусы и кольца...»<sup>22</sup> Автор также приводит описание ризы для чудотворного образа св. Николая Угодника из приходской церкви с. Мамонтово Моршанского уезда Тамбовской епархии, который «украшен ризой из позолоченного алебаstra, фелонь и омофор украшены золочеными крестами; вокруг лика Чудотворца укреплен серебряный с позолоченными лучами венец, на голове – митра из малинового бархата. Кроме того, образ был в позолоченном окладе и помещался в позолоченном резном киоте»<sup>23</sup>. Как видно из описания, этот убор почти детально совпадает с украшением солигаличской статуи.

Аналогичный «комплект» сохранился к скульптуре св. Николая из Николаевской церкви с. Сидоровское Нерехтского уезда (без подвесок и митры, КМЗ КОК 17578/12), к резному образу св. Николая из Николаевской церкви пог. Козуры Нерехтского уезда (без подвесок, митры и шитой ризы, КМЗ КОК 25580/14). В очень близком уборе бытовала статуя св. Параскевы Пятницы в Пятницкой церкви Рыбной слободы г. Галича (в настоящее время скульптура находится в Государственном Русском музее, инв. 1264).

Данные примеры демонстрируют, что эта устойчивая общерусская традиция была характерна и для костромской земли, сохранившись вплоть до начала XX в.

К несохранившимся памятникам, дошедшим до нашего времени в дореволюционных фотографиях, относятся еще 2 скульптуры святителя Николая. Одна из них – «Св. Николай Можайский (?)» из деревни Новопавловское Нольско-Березовской волости Солигаличского уезда (КМЗ КОК 9143<sup>24</sup>). Уникальная надпись на обороте фото гласит: «Образ принесен из Можайска летъ около 100». С большой долей вероятности можно говорить о происхождении скульптуры из самого Можайска как о мифе, своеобразной переработке местным населением наименования «Никола Можайский». Нас же в данном памятнике интересуют абсолютно нехарактерные для «можайской» иконографии атрибуты в руках святого.

Святой помещен в киот (?) (общий вид не просматривается), с левой стороны повешен мед-

ный складень с центральной иконкой «Богоматерь Казанская». Никола изображен фронтально, в епископском облачении, в его левой руке – Евангелие, а в правой, вероятно, помещался восьмиконечный крест, стоящий на фото рядом со скульптурой. На голове святителя непропорционально большие металлические венец и митра, возможно ранее принадлежавшие другому образу. Лик овальный с круглой бородой. Иконография этой скульптуры стоит особняком в ряду известных нам Никольских памятников. Изображение святителя с крестом – символом мученичества и атрибутом святых мучеников – не находит аналогий ни в станковой живописи, ни в культовой пластике. Возможно, венец и крест – «неродные» детали скульптуры, тем не менее бытовавшие в позднейшее время в одном с ней комплексе. Скорее всего, смешение иконографий «органично» бытовало в народной среде. К.В. Цеханская отмечает: «Желая более послужить Богу, крестьяне нередко усиливали ревность своими установлениями, которые, впрочем, не всегда соответствовали церковному канону. В этих случаях религиозное сознание приобретало характер творческого осмысления действительности, многое домысливалось по-своему, и иногда появлялись трансформированные легенды из Священного Писания, неканонические молитвы, народные дополнения в службах праздников, в изображении святых на иконах (курсив мой. – Е.Т.) и многое другое. Поскольку крестьяне со своими нелегкими повседневными заботами вряд ли могли мыслить высокими духовными категориями, то нередко материализовали духовный мир, стремясь приблизить его к себе...»<sup>25</sup>. Датируем данный образ св. Николы началом XVIII в.

Другой памятник «Св. Николай Можайский» (КМЗ КОК 8093) происходит из церкви с. Спас-Хрипели<sup>26</sup> Буйского уезда. Фигура помещена в очень необычный восьмигранный киот. Справа и слева расположены поясные образы Богоматери и Спасителя «в облаках», один из характерных признаков Никольской иконографии<sup>27</sup>. Святитель представлен фронтально, в епископских ризах, на голове – резная митра. «Можайские» атрибуты отсутствуют, однако характерное положение пальцев рук – сжимающие рукоять у правой и поддерживающие днище града у левой – указывает именно на эту иконографию. Живописный лик Николы стремится к реалистичности. Датируем этот памятник кон. XVIII – XIX в.



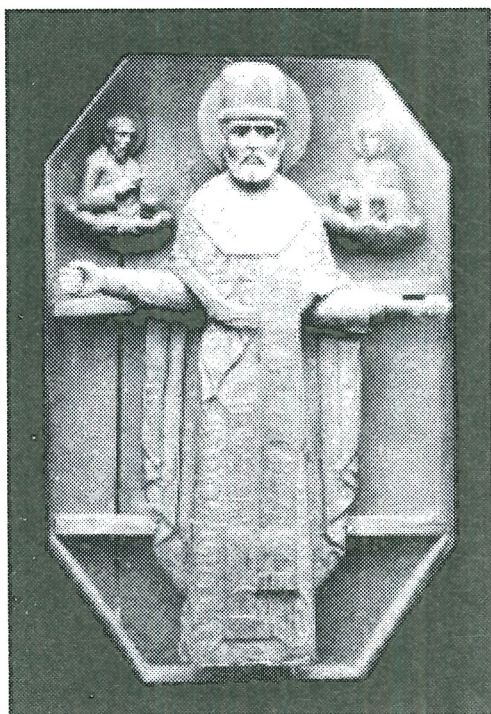


Фото 3. Скульптура «Святитель Николай Мирликийский (Можайский)» из Преображенской церкви с. Спас-Хрипели Буйского уезда

Церковь с. Спас-Хрипели была приписана к благочинным настоятелям Свято-Предтеченского Иаково-Железоборовского монастыря Буйского уезда, которые обязаны были наблюдать за строительством церкви, ее благолепием, инспектировать церковный клир. В ГАКО нами был обнаружен крайне важный для нашего исследования документ – указ строителю (т.е. настоятелю) Железоборовского монастыря Аристарху из Костромской духовной консистории 1820 г. «Об освящении... вновь устроенной церкви Преображения Господня в селе Хрипели», в котором предписывается: «...чтоб Вы оный храм наперед освидетельствовали Вам в нем [по] церковному чиноположению устрое[но] нет ли чего неприличного неприе[млемого], а паче суевернаго в иконах, и если ч[то ока]жется неисправным то велено исправить и доколе исправлено не будет не освящать...»<sup>28</sup> Церковь была благополучно освящена в том же году иеромонахом Аристархом и никаких нарушений в храмовом убранстве выявлено не было. Если предположить, что к моменту освящения храма в церковь уже были принесены скульптуры св. Николы Угодника и Па-

раскевы Пятницы, получается, о. Аристарх просто «закрыв глаза» на «запрещенные» резные образы, не сообщив об этом в консисторию. Возможно, что скульптуры были принесены местными жителями и после освящения, однако столь пристальное внимание консистории к благолепию в хрипелевском храме не может быть случайным. Предполагаем, что в Духовном правлении были наслышаны о бытовании в селе и особом почитании этих статуй, учитывая, что образ вмц. Параскевы относится к концу XVII столетия и явно имел статус чтимого (вспомним, что он воспроизведен как реликвия в альбоме «Виды села Домнино и его окрестностей в бывшей вотчине государыни Великой старицы инокини Марфы Ивановны, в мире Ксении Ивановны Романовой» 1896 г., явившемся трудом членов Костромской губернской ученой архивной комиссии<sup>29</sup>).

Этот пример, как и обстоятельство фиксации в благочиннических рапортах древних и чтимых деревянных скульптур, свидетельствуют о непрерывности традиции почитания и изготовления деревянных статуй, особенно св. Николы, в селах Костромской епархии, несмотря на запреты Синода от 1722 и 1832 гг., что совпадает с общероссийской тенденцией.

### Примечания

<sup>1</sup> Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии: Справочная книга. Кострома, 1911.

<sup>2</sup> Акафист святителю Николаю Чудотворцу. Празднование 6/19 декабря и 9/22 мая // Акафистник. Изд. Сретенского монастыря. М., 2004.

<sup>3</sup> Акафист Иисусу Сладчайшему. Икос 10 / Акафистник. С. 9.

<sup>4</sup> Подробнее об этом см. в житии святителя Николая. В частности, минея декабрьская (6), майская (9).

<sup>5</sup> Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. С. 94. Вообще, предания о самостоятельном передвижении икон из деревни в деревню или даже в соседнюю губернию встречаются достаточно часто. Относительно перемещения скульптур, письменных свидетельств сохранилось немного, однако большое количество закрепилось в народном фольклоре и устном творчестве. И.Н. Серебrenников в исследовании о пермских деревянных памятниках писал: «...во многих местах верили, что скульптуры – это живые божества, которые могут делать людям добро и насыпать несчастья. Когда в прошлом какую-нибудь скульптуру переносили в другое село, население считало, что она на это обижалась. И вскоре же, иногда даже на следующий день... скульптура возвращалась на прежнее свое место...» (Серебrenников И.Н. Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1967. С. 11).



<sup>6</sup> Альбом фотографий фотохудожника Сергея Александровича Орлова (1867–1919) был когда-то продан в Москву и несколько месяцев назад оказался в коллекции галереи «Феофания», владелец которой предоставил мне для работы его электронную версию. С.А. Орлов – крестьянин Солигаличского уезда, открыл в родном селе Корцове фотоателье (подробно о нем см. А.А. Анохин. Из собрания старого фотографа // Памятники Отечества. Альманах. Вып. 1. 1991. С. 70–73). В свободное время Орлов занимался фотографированием различных древностей костромской глубинки и оставил для нас поистине бесценный материал: в его альбоме собраны фотографии несохранившихся деревянных храмов и часовен, иконостасов, редких икон, деревянной скульптуры.

<sup>7</sup> Село Парское находилось в Юрьевецком уезде; Предтеченская церковь – 1785 г.

<sup>8</sup> Об этих памятниках см. следующие параграфы.

<sup>9</sup> ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 1968, л. 33. Сохранена авторская пунктуация.

<sup>10</sup> В Григорцеве (Григоровцеве) находилась Воскресенская церковь 1798 г.

<sup>11</sup> В Митине находилась Покровская церковь 1800 г. с приделом во имя св. Николая.

<sup>12</sup> В Рождествине находилась церковь Рождества Христова 1783 г.

<sup>13</sup> В Бардакове находилась Николаевская церковь 1792 г.

<sup>14</sup> ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 1968, л. 12.

<sup>15</sup> «Икона» здесь и далее употребляется в значении «священный образ», независимо от техники исполнения: станковая, монументальная живопись, рельеф, скульптура или мозаика. Термин «скульптура» в отношении резных деревянных памятников стал употребляться поздно, насколько нам известно, с XIX в. До этого их называли «икона на рези», «икона издолбленная», «икона изваянная».

<sup>16</sup> Стерлигова И.А. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. Происхождение, символика, художественный образ. М., 2000. С. 5.

<sup>17</sup> Подробнее об этом см.: Стерлигова И.А. Указ. соч.

<sup>18</sup> Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962.

<sup>19</sup> Подробно об этом см.: Цеханская К.В. Икона в жизни русского народа. М., 1998. С. 70–72.

<sup>20</sup> Впоследствии, в 1832 г., Св. Синод издаст еще один указ, запрещающий деревянную скульптуру в храмах, однако и в этом случае повсеместного исполнения этого предписания не будет.

<sup>21</sup> Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 6. № 3888.

<sup>22</sup> Цеханская К.В. Указ. соч. С. 74. Об украшениях – бусах в костромских памятниках см. далее.

<sup>23</sup> Там же. С. 63.

<sup>24</sup> КМЗ КОК – Костромской музей-заповедник, аббревиатура существовавшего в 1958–2004 гг. музея-заповедника «Ипатьевский монастырь». В настоящее время фотография находится в фонде «Фотоматериалы» КГОИАХМЗ.

<sup>25</sup> Цеханская К.В. Указ. соч. С. 9.

<sup>26</sup> В Хрипелях находилась церковь в честь Преображения Господня, отсюда и название Спас-Хрипели, выстроенная в 1820 г., приделы освящены в честь святителя Николая и преподобного Сергия Радонежского.

<sup>27</sup> В житии святителя Николая есть эпизод, когда, будучи на Никейском соборе, он активно обличал еретика Ария и, не выдержав его хулы на Господа, дал ему пощечину – «заушение». Этот поступок является серьезным грехом для священнослужителя и, посоветовавшись, члены Собора решили посадить Николая в темницу, предварительно разоблачив его от святительских риз, а затем – лишить сана епископа. Однако произошло чудо: в темницу к св. Николу явились Иисус Христос и Богородица, вручившие ему Евангелие и омофор. Ставшие свидетелями чуда, епископы поспешили оправдать Николу и освободили его из заключения. Изображение Христа и Богородицы в верхней части «никольских» икон называют также «Никейское чудо».

<sup>28</sup> ГАКО, ф. 702, б/ш, л. 9, л.1–2.

<sup>29</sup> В собрании КГОИАХМЗ.

В.И. Филиппова

## ДРЕВНЕРУССКАЯ АРХИТЕКТУРА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ЧЕРЕПОВЕЦКИХ ХУДОЖНИКОВ-ГРАФИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX–НАЧАЛА XXI ВЕКА

Изобразить пространство на плоскости возможно, но не иначе как разрушая форму изображаемого. А между тем именно форма, и только форма занимает изобразительное искусство. И, следовательно, над живописью, вообще над изобразительным искусством, поскольку оно призвано давать подобие действительности, произносится окончательный приговор: натурализм есть раз навсегда невозможность.

Священник Павел Флоренский<sup>1</sup>

Все, без какого-либо исключения, древнерусские города имеют свой неповторимый облик, свои индивидуальные черты, свой характер. Их особенность выразительно подчеркивается издревле сложившимися самобытными формами

архитектурных ансамблей, храмовых комплексов, соборов, церквей. Для Череповца 1950–начала 1960-х годов характерна динамика преобразования из городка старинного и патриархального в город индустриальный, глобальный по